

КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)

А. Г. Мельник

Русские святые, почитавшиеся в Никольском Коряжемском монастыре во второй половине XVI в.

Работа посвящена определению предпочтений сообщества Никольского Коряжемского монастыря в отношении почитания русских святых во второй половине XVI в. Высшим статусом в данном сообществе обладал культ Димитрия Прилуцкого. Существенно ниже стояли культы святителей Петра и Алексея Московских, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, а также юродивого Прокопия Устюжского.

Ключевые слова: XVI в., Никольский Коряжемский монастырь, почитание русских святых.

A. G. Melnik

The Russian Saints Venerated at St. Nicholas Koryazhenskiy Monastery in the second half of the XVI century

The present paper discusses preferences of the monks of St. Nicholas Koryazhenskiy Monastery concerning the veneration of the Russian Saints in the second half of the sixteenth century. The study reveals that the cult of St. Dimitriy Prilutskiy had the highest degree of veneration, whereas that of the Holy Hierarchs St. Peter and St. Alexius of Moscow, as well as of St. Zosima and St. Savvatiy of Solovki, and St. Procopius of Ustyug "Crazy for God" were considerably more limited.

Keywords: the 16th century, St. Nicholas Koryazhenskiy Monastery, veneration of the Russian Saints.

Практика почитания святых представляла собой одно из характерных выражений духовной жизни в монастырях России XVI в., поэтому так важно выяснить конкретные черты этой практики. Необходимо определить, каковы были предпочтения монашеских сообществ отдельных обителей в отношении культов тех или иных подвижников благочестия. Иными словами, кого из множества святых монахи определенного монастыря считали наиболее надежными своими небесными покровителями, к кому они чаще всего обращались в своих молитвах за помощью?

Для составления достаточно полной картины по указанному вопросу желательно обратиться к пока еще не исследованной истории почитания русских святых в небольших монастырях той эпохи. Но, к сожалению, как правило, эта история гораздо хуже, чем у больших монастырей, обеспечена источниками.

Тем не менее, существуют документы, косвенные показания которых позволяют раскрыть предложенную тему с большей или меньшей полнотой. Речь идет об описях монастырского

имущества и писцовых книгах. В них можно почерпнуть три основных типа интересующих нас свидетельств: о посвящениях храмов монастыря, о существовавших в нем иконах святых и о книгах, относящихся к культам подвижников благочестия.

Наиболее явным указанием на исключительную приверженность насельников определенной обители к культу какого-либо святого является строительство и функционирование в ней церкви, посвященной данному подвижнику. Второй по значению признак, обозначающий более или менее развитое почитание святого, – его иконы в церквях обители. Действительно, любая икона предполагает молитвенное обращение людей к изображенному на ней святому и, значит, свидетельствует о значительном развитии его культа в месте расположения этого образа. К наименее существенным признакам следует отнести указания на книги, содержащие житие святого, службу ему, месяцеслов с его памятью, поскольку наличие этих произведений не может указывать на то, что почитание святого поднялось выше фор-

мального или этикетного уровня. То есть при наличии данных книг память такого святого в монастыре могла каким-то образом отмечаться в соответствующий день, а могла и вообще не праздноваться.

Имущество далеко не всех небольших монастырей зафиксировано сохранившимися описями и писцовыми книгами XVI в. Тем интересней для избранной темы обители, которые описаны в дошедших до нас подобных источниках. Именно к таким небольшим обителям принадлежит Никольский Коряжемский монастырь, основанный в 1535 г. [1]. До нас дошли опись этого монастыря 1567 г. [2] (далее – Опись 1567 г.) и сотная с писцовых книг на его владения 1586 г. [3] (далее – Сотная 1586 г.). Опираясь на их свидетельства, попытаемся определить, каких русских святых особо выделяла и почитала братия Коряжемского монастыря в последней трети XVI в. и, возможно, в предшествовавшее время.

Согласно Описи 1567 г., в обители существовали три храма: соборный Николы Чудотворца, Димитрия и Благовещения [4]. В документе не пояснено, какому именно св. Димитрию была посвящена вторая из названных церквей, но из Сотной 1586 г. следует, что – преподобному Димитрию Прилуцкому [5]. Следовательно, этот подвижник благочестия в 1567 г. необыкновенно много значил для насельников Коряжемского монастыря.

По Описи 1567 г., в Никольском соборе из икон русских святых числился «образъ Чюдотворецъ Дмитрей и съ деяниемъ на злате, венець у него с трети камени серебрянь, пелена безенная, крестъ обычной, а гривна у него серебряна» [6]. Это явно житийная икона Димитрия Прилуцкого. В том же храме находился небольшой пядничный образ «Алексеи да Дмитрей Селунски пядница» [7]. Но какой святой Алексей имелся здесь в виду, один из общехристианских или русский, неясно. В церкви Димитрия Прилуцкого имелся образ «Дмитрей Чюдотворецъ на злате, въ стрелу три гривны серебряны». Перед этой иконой находилась единственная в храме свеча. В Благовещенской церкви была икона «Дмитрей чюдотворецъ на краске, венець на злате» [8].

Как видим, иконы Димитрия Прилуцкого располагались не только в посвященном ему храме, но и в остальных двух церквях монастыря. Это было сделано явно намеренно. Образа святого как бы сопровождали любого, оказавшегося в обители. В каждом из храмов можно было обратиться с молитвой к иконе почитаемого преподобного,

при этом образов других русских святых в данных церквях, очевидно, вообще не было. Даже иконы Николы Чудотворца, которому был посвящен монастырский собор, имелись лишь в двух церквях – Никольской и Димитриевской [9]. Наличие упомянутой житийной иконы Димитрия Прилуцкого свидетельствует о подчеркнутом интересе монахов обители к его агиобиографии. Значит, почитание преподобного достигло в их среде такого высокого уровня, когда им стало мало просто молиться у икон излюбленного чудотворца, они хотели также видеть живописное повествование о его жизни и подвигах.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует, что на момент составления Описи 1567 г. Димитрий Прилуцкий являлся самым почитаемым русским святым в Коряжемской обители. Возможно, подобное отношение к его культуре сложилось в обители еще в первые годы ее существования.

На некоторый интерес к другим русским подвижникам указывают книги в собрании Коряжемского монастыря, зафиксированные Описью 1567 г. Таковы «Патерикъ Печерской», «Стефаново житие Пермьскаго», «Житие Соловецкихъ чюдотворцовъ» [10]. Но, как мы убедились выше, икон тех святых, которым были посвящены названные книги, тогда в монастыре не существовало. Отсутствие таких икон говорит о еще не вполне оформившихся предпочтениях монастырского сообщества в отношении культов данных святых. Вместе с тем, в монастыре не числилось и жития Димитрия Прилуцкого. Значит, наличие жития какого-либо святого в обители еще не свидетельствует об особом в ней почитании последнего, и напротив, отсутствие подобного жития не говорит, что культ соответствующего подвижника благочестия не получил никакого признания в данном монастыре.

Надо иметь в виду, что насельники Коряжемской обители знали о большинстве признанных в то время русских святых. Так судить позволяют имевшиеся в ней два устава, пять псалтирей с воследованием и пятнадцать миней месячных [11]. В месяцесловных частях этих уставов и псалтирей, несомненно, содержались указания на дни празднования памяти многих святых, а в минеях – тексты служб, посвященных некоторой части из них. Но никаких свидетельств об их почитании в обители в то время не сохранилось.

Теперь обратимся к Сотной 1586 г. Согласно ее показаниям, Димитрий Прилуцкий по-

прежнему являлся самым почитаемым отечественным подвижником благочестия в Коряжемской обители. Его культ в 1586 г., как и раньше, был обозначен в ней «теплой», то есть отапливаемой церковью Димитрия Прилуцкого, при которой имелась трапезная палата [12]. Она, вероятно, существовала при данном храме во время составления Описи 1567 г. [13]. Но последняя не говорит об этом прямо. Поскольку церковь являлась теплой, в зимнее время монахи в ней отправляли большую часть служб. В трапезной же монахи ежедневно принимали пищу. Получается, что именно в церкви Димитрия Прилуцкого и в трапезной при ней они проводили значительную часть своего времени. В силу этого происходило постоянное возобновление и укрепление их духовной связи со своим небесным заступником преп. Димитрием. В 1586 г., как и ранее, в каждом из трех монастырских храмов находилось по одной иконе Димитрия Прилуцкого [14]. Причем это иконы, судя по описанию украшений, имевшихся на них, – те же самые, что и в 1567 г.

Сотной 1586 г. в пространстве для молящихся соборной церкви Николы Чудотворца зафиксированы «образ Алексеи митрополит обложен железом немецким, венец серебрян, басмян, золочен» и «образ месной Петр митрополит обложен железом немецким, венец басмян, золочен», а в алтаре собора – «образ Изосимы и Саватия соловецких чудотворцов на золоте, пядница» [15]. В надвратной Благовещенской церкви Сотной 1586 г. отмечен «образ Прокофья Христа ради уродивого на красках, пядница» [16]. На последней иконе явно был изображен юродивый Прокопий Устюжский.

Названные иконы митрополитов Петра и Алексея свидетельствуют о том, что сугубое почитание этих двух самых значимых московских святых утвердилось в обители к 1586 г. В 1567 г., как мы помним, никаких признаков их культа в ней не наблюдалось. Следовательно, он получил признание в данном монастыре между 1567 и 1586 гг. Икона Зосимы и Савватия говорит об усилившемся почитании соловецких подвижников в Коряжемском монастыре к 1586 г. Но, в отличие от культа московских святителей, это было подготовлено появлением в обители к 1567 г. жития Зосимы и Савватия. Наконец, икона Прокопия Устюжского также обозначает некоторую приверженность монашеской братии к культу этого святого.

Согласно Сотной 1586 г., в монастыре числилось еще больше, чем в 1567 г., различных богослужебных книг (уставы, псалтири с воследованием, минеи, патерики, прологи и др.) [17], в которых, надо полагать, содержались сведения о многих русских святых. Но никаких иных данных об их особом почитании тогда в обители в документах не обнаруживается. Выходит, осведомленность монастырского сообщества о тех или иных святых не определяла его предпочтений в отношении особого почитания некоторых из них.

В связи с этим попытаемся ответить на вопрос: что способствовало утверждению приверженности сообщества Коряжемского монастыря к культам святых Димитрия Прилуцкого, Петра и Алексея Московских, Зосимы и Савватия Соловецких, а также Прокопия Устюжского?

В отношении культа преп. Димитрия Прилуцкого, за отсутствием прямых или косвенных свидетельств источников, вряд ли мы когда-нибудь получим убедительный ответ. Однако возможно, что сугубое почитание этого подвижника ввел в обители лично ее основатель. Такое предположение позволяют сделать примеры, когда в XVI в. основатели некоторых других русских монастырей насаждали в них почитание своих излюбленных святых [18].

Более определенно можно судить о причинах утверждения почитания в монастыре святителей Петра и Алексея. По новейшим наблюдениям, в XVI в. в ряде обителей России их культы получили исключительно высокое признание [19]. Как видим, эта тенденция достигла Коряжемского монастыря между 1567 и 1586 гг. Сходное объяснение можно предложить и в отношении культа Зосимы и Савватия. Во второй половине XVI в. происходило необыкновенно быстрое распространение их почитания в России [20]. Надо думать, на этой волне оно укоренилось и в Коряжемской обители. Относительная близость последней к Великому Устюгу, очевидно, обусловила зарождение в ней почитания самого значимого святого этого города – юродивого Прокопия.

Как известно, Коряжемский монастырь основал преподобный Логгин. В литературе утверждается, что после смерти, последовавшей в 1540 г., он был погребен в этой обители, а через 16 лет его мощи якобы были перенесены в монастырскую церковь [21]. Из сказанного как будто следует, что с 1556 г. в монастыре должно было

существовать более или менее развитое почитание подвижника.

Но так ли это? Почитание любого святого, даже до официального признания его культа, кроме всего прочего, выражалось в особом оформлении его могилы. Обычно над таким местом захоронения строили «гробницу», которая представляла собой подобие часовни или склепа. Непосредственно над могилой устанавливали надгробие в виде раки, накрывавшееся покровом, рядом помещали иконы, подсвечник со свечой и некоторые иные сакральные вещи. Совокупность всех этих предметов можно назвать надгробным комплексом. Но в Описи 1567 г. и Сотной 1586 г. нет никаких указаний на существование надгробного комплекса преп. Логгина и вообще не обнаруживается никаких признаков его культа. Таким образом, говорить о том, что почитание этого подвижника благочестия утвердилось в Коряжемской обители в 1556 г., пока преждевременно.

В заключение попытаемся ответить на вопрос: в чем состояло сходство и различие предпочтений в отношении почитания святых в небольшой Коряжемской обители и в трех крупных русских монастырях XVI в. – Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском и Соловецком?

Сначала о сходстве: во всех этих четырех монастырях среди почитаемых русских святых особо выделяли московских чудотворцев. В Соловецком, Кирилло-Белозерском и Коряжемском монастырях использовался сходный прием репрезентации культов соответствующих самых значимых святых: их иконы размещались в наибольшем числе значимых мест этих обителей.

Были и различия: в крупных монастырях активно почиталось гораздо больше подвижников, чем в Коряжемской обители. В тех же крупных монастырях наивысшим почитанием пользовались их создатели – «свои» святые [22].

Итак, в результате проведенного исследования мы хотя бы отчасти приблизились к пониманию как своеобразных, так и типичных черт духовной жизни сообщества насельников небольшого северного монастыря XVI в.

Примечания

1. Зверинский, В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем) [Текст] / В. В. Зверинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – Кн. 1. – С. 190–191.

2. 1567 июля 19. Список отписной Коряжемского Николаевского монастыря [Текст] // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – СПб., 1884. – Т. 3. – Стб. 388–397 (Далее – Опись 1567 г.).

3. 1586 г. – Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде [Текст] / публ. З. В. Дмитриевой // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда : Вологодский гос. пед. ин-т, 1981. – С. 178–191. (Далее – Сотная 1586 г.).

4. Опись 1567 г. – Стб. 389–390.

5. Сотная 1586 г. – С. 180.

6. Опись 1567 г. – Стб. 389.

7. Там же. – Стб. 390.

8. Там же. – Стб. 390.

9. Там же. – Стб. 390.

10. Там же. – Стб. 390.

11. Там же. – Стб. 390–393.

12. Сотная 1586 г. – С. 180.

13. Опись 1567 г. – С. 390.

14. Сотная 1586 г. – С. 179, 180, 182.

15. Там же. – С. 179, 180.

16. Там же. – С. 182.

17. Там же. – С. 180–181.

18. См.: Житие Герасима Болдинского [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13. – С. 644, 654; Житие преподобного Геннадия, костромского и Любимовградского чудотворца [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. – Ч. неофиц. 1873. – С. 185.

19. Мельник, А. Г. Почитание русских святых в Соловецком монастыре в середине XV–XVI в. [Текст] / А. Г. Мельник // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. – Архангельск; М.: Фолиум, 2008. – Вып. 7. – С. 52–53; Мельник, А. Г. Кирилло-Белозерский монастырь как центр почитания русских святых в XVI веке [Текст] / А. Г. Мельник // Вестник Поморского университета. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2010. – Вып. 12. – С. 68–71; Мельник, А. Г. О почитании избранных русских святых в Троице-Сергиевом монастыре в последней трети XV – первой половине XVI в. [Текст] / А. Г. Мельник // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы VI Международной конференции. – Сергиев Посад : Ремарко, 2010. – С. 20–22.

20. Мельник, А. Г. Распространение почитания святых Зосимы и Савватия Соловецких в России конца XV – начала XVII в. [Текст] / А. Г. Мельник // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. – Архангельск; М.: Фолиум, 2010. – Вып. 9. – С. 40–50.

21. Ратшин, А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях в России [Текст] / А. Ратшин. – М., 1852. – С. 62–63; Толстой, М. В. Книга, глаголемая описание о российских святых [Текст] / М. В. Толстой. – М., 1887. – С. 154.

22. См. сноску № 19.